

Нечто очень существенное сообщает Егора Булычева с героем поставленной Академическим театром драмы имени А. С. Пушкина пьесы Г. Гауптмана «Перед заходом солнца» — тайным коммерции советником Маттиасом Клаузенем. Оба они принадлежат к породе людей, которых Горький называл «блудными сынами буржуазии». Но многое и отличает их друг от друга. В протесте Булычева есть могучее русское озорство, у Клаузена же даже самый протест отмечен своего рода немецкой бюргерской респектабельностью.

Пьеса Г. Гауптмана ставится у нас не впервые, но ранее Маттиас Клаузен появлялся на сцене либо как человек, упоенный красотой и радостью последней любви, либо как философ и борец, силу своего ума осмысляющий противоречия окружающей его действительности и отказывающийся от борьбы ввиду безвыходности этих противоречий.

Клаузен в исполнении Н. Симонова — отнюдь не философ. Артист превращает своего героя в «вечнейшего человека», тонкого и одаренного художника, воспринимающего мир богато и сложно. Таким он и входит в спектакль. И когда открывается занавес, то среди ничем не примечательной толпы гостей, исполняющих церемонный ритуал, сразу же выделяется высокого роста седовласый человек с воодушевленным лицом, солнечно-одухотворенным взглядом и необычайно выразительными движениями рук, выдающих артистичность его натуры.

И все, что его окружает, Симонов — Клаузен преобразует силой своей поэтической мысли. Да-

же любовь для него — это по существу последний прорыв в поэзию жизни. «Природа, искусство, философия и Инкен» — вот его жизненная программа, которую он тщетно пытается осуществить.

Но люди, его окружающие, люди, погрязшие в мире материальных интересов, в мире низменных стремлений, никогда не смогут понять души Клаузена. Выжившим из ума стариком, болтающим «сентиментальные бредни», кажется тайный советник своему зятю Кламроту, по духу — фашисту, входящему в силу и жаждущему власти дельцу, каким он предстает в исполнении арт. И. Жилина; с ужасом взирает на отца выдрессированная мужем глупенько-бездушная Оттилия (арт. Л. Горбачева); не понимает ничего происходящего с отцом старший сын Клаузена — примитивный и напыщенный профессор Вольфганг (арт. Г. Кульбум); оскверняет своими устами все, что свято и дорого для Клаузена, циничная и вульгарная жена Вольфганга (арт. В. Вельяминова). И совершенно теряет привычную для нее почву меланхолически упорядоченной жизни старшая дочь тайного советника — Беттина, которую Л. Штыкав превращает своим исполнением в страшную религиозным фанатизмом, жестокую и сентиментальную фигуру.

К сожалению, образы членов семьи Клаузена все же несколько

упрощены в спектакле. И это упрощение значительно снижает остроту столкновения Клаузена с детьми. И борьба Симонова—Клаузена со своей семьей начинает подходить на борьбу гиганта с пигмеями, а все те проблемы, которые поднимает Симонов своей игрой, развиваются порой каким-то обобщенным, чуть повисающим в воздухе путем.

«Кто не слышит — тот глух», — говорит Клаузен. Сам он «слышит» и чувствует то, чего никогда не смогут «услышать» его дети, люди, превратившие жизнь в прозу, убивающие живое человеческое чувство, растаптывающие все, что не является для них источником дохода. Он «слышит» это и в своей любви к Инкен Петерс, дочери садовника, и в отношении Инкен к нему. Та Инкен, которую играет Н. Ургант, живет, пожалуй, в каком-то едином эмоциональном ключе с Симоновым—Клаузенем, но раскрыть в своей героине тот мир чувств, мыслей и поэзии, который приблизил бы ее к Маттиасу, актрисе все же еще не удалось.

По-настоящему воспринимать поэзию жизни может лишь свободный человек. А свободы у Клаузена уже нет! Разъяренные дети, прикрываясь ханжеской заботой об отце, наносят ему одно оскорбление за другим.

И здесь Симонов поднимается до истинно трагедийных высот, раскрывая в образе гауптмановского героя черты современного Лира. Простое упоминание Клаузена о шекспировском короле, легкий намек, брошенный Гауптманом, приобретает для Симонова громадное значение.

Источники трагедии современного буржуазного Лира, которого играет Симонов, не только в детях, а и в нем самом. Клаузен не может понять того, что и все его дети и весь этот жизненный хлам, который потерял для него теперь какое-либо значение, связаны с ним гораздо более глубокой органической свя-

зью, чем это ему кажется. Ведь он хочет отрешиться от своего прошлого, не изменив ничего вокруг себя и сохранив в настоящем лишь то, что нужно ему одному.

Тут снова вспоминается Егор Булычев, который пытается разворочить все свое купеческое гнездо, наносит удары налево и направо. Маттиас Клаузен хочет иного. Он жаждет отстраниться от окружающего его мира прозы и лицемерной пошлости. Но это неосуществимо. И Симонов—Клаузен, дающий почувствовать нам это тончайшими художественными штрихами, не просто отстраняется от жизни, а уходит от нее вообще.

Спектакль «Перед заходом солнца», показанный театром как поединок человечности и варварства, заставляет вспомнить о современных неофашистах, чувствующих свою силу, например, в Западной Германии.

Самый финал спектакля несколько символичен. На сцене как бы образуются две группы. Преследователи Клаузена в темных и каких-то скользких одеждах созерцают дело рук своих. Этот мрак задуман, видимо, как контраст с тем светом и чистотой, которые излучают сам Маттиас, Инкен, слуга Винтер, мудрый, спокойный, с глубоким чувством собственного достоинства человек (арт. М. Екатерининский). Однако этот прием вызывает здесь чувство досадного раздражения, так же как и шахматный пол в доме Клаузена, ибо все эти «символы» выглядят крайне схематично и примитивно на фоне той эмоциональной глубины проникновения в образ, которой достигает Н. Симонов. Еще обиднее, что и музыка в этом спектакле мешает и актеру и зрителю. Такой актер, как Н. К. Симонов, не нуждается в подобных режиссерских подпорках. И магнитофонно-мертвые звуки малеровской музыки воспринимаются как нечто явно чужеродное рядом с трепещущим сердцем симоновского Клаузена.

А. РАЙЛЯН,
студентка Института театра,
музыки и кинематографии

На снимке: сцена из спектакля. Маттиас Клаузен, тайный коммерции советник, — народный артист СССР, лауреат Государственной премии Н. Симонов и Инкен Петерс — заслуженная артистка РСФСР Н. Ургант.

Фото В. Капустина
(ЛенТАСС)

